

НА ПРЕМЬЕРУ спектакля «Я вижу солнце» Гоги Кавтарадзе пригласил свою бабушку. В этой очень близкой ему по духу пьесе он играл главную роль — Сосой. Ее резюме было до неожиданности суровым: «Нет ничего в тебе от артиста. Разве так играют? Ты ведешь себя, словно находишься не на сцене, а у нас в деревне».

Однако эти слова Гоги Кавтарадзе воспринял как самую доброжелательную рецензию на свою работу. Чтобы понять, почему он так считает, послушаем его самого.

— Я люблю, когда меня узнают на улице, люблю, когда мальчишки называют меня именами моих героев — «Вот идет Гочойя», «Это — Караман!». Когда я играл в грузинском варианте пьесы Розова «Перед ужином», я получал много писем от старшеклассников. Все они начинались с обращения: «Дорогой, Заза!».

Если во мне узнают не актера Кавтарадзе, а героя фильма или театральной постановки, то я считаю, что нахожусь на верном пути. Ведь образ, лишенный индивидуальности, самобытности, не впечатляет, не вызывает той реакции, к которой рассчитываешь, приступая к его созданию. Впрочем, в равной степени ему необходимы и непосредственность, искренность, фальшь, пусть незначительная, пусть искусно замаскированная, не остается незамеченной. Поэтому, играя Сосой, я был босоножим мальчишкой моей деревни, поэтому я рад, что именно таким увидела меня бабушка в тот памятный день премьеры.

— Сосой, Джако, Зурикела, Заза — герои произведений Н. Думбадзе стали главными в твоей актерской судьбе...

— Их отношение к жизни, их чистый внутренний мир, их искренность и непоказное мужество созвучны моим представлениям о долге и назначении молодого человека.

Они всегда оказываются в трудных, порой мрачных жизненных ситуациях, они почти все выросли без родителей, в их жизнь жестоко вошла война, их судьба не складывается гладко. Но трудности, неудачи, несправедливость не ожесточили ребят, их взгляд на мир и людей остался незамутненным, чистым.

Они кристально честны — перед собой и окружающими, они любят людей.

Очень дороги в людях, поэтому я так охотно играю героев Н. Думбадзе на сцене. Впрочем, и в кинофильмах, в которых мне пришлось сниматься, мои герои в основном оказались чем-то схожими с думбадзевскими. Это — чудакватые люди, любящие юмор, необычайно отзывчивые. И, что самое главное, — они прочно росли корнями в родную землю, она дает им неизбежную си-

Субботние встречи

Георгий Кавтарадзе — актер и режиссер

ЗВАНИЕ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ КОМСОМОЛА РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА ЗА 1972—1973 ГОДЫ ПРИСВОЕНО КАВТАРАДЗЕ ГЕОРГИЮ ГЕОРГИЕВИЧУ — АКТЕРУ, ЗА СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ МОЛОДОГО СОВРЕМЕННОГО В ТЕАТРЕ И КИНО, СНИСКАВШИХ ПОПУЛЯРНОСТЬ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

лу оптимизма. Даже герой «Свадьбы» по своему духу, содержанию имеет ярко выраженный национальный характер. А он для меня прежде всего в оптимистичном взгляде на мир, в могучем жизнелюбии, в умении сохранять присутствие духа в самых сложных жизненных перипетиях.

— Отец солдата Серго Закариадзе, ставший собирательным и глубоким образом грузинского крестьянина, тем не менее приобрел большое интернациональное, общечеловеческое звучание...

— Иначе и не могло быть. Грузин Махарашвили так полюбился в нашей стране, зарубежному зрителю именно потому, что олицетворял лучшие национальные черты своего народа. Его героизм отца и гражданина, его патриотизм и человеколюбие нашли путь к сердцу и разуму тысяч и тысяч людей, ибо предстал он перед ними человеком из нахетинского села, где бережно холит огрубевшими ладонями виноградную лозу, где горячо, до глубины души непоказной любовью любят родную землю.

Когда мы пытаемся отсечь на второй план самобытные черты в стремлении сделать акцент на неких общечеловеческих категориях, мы всегда теряем важное, существенное, мы выходим

за рамки, лишаем его глубины и убедительности. Мы, наконец, не достигаем тех целей, которые ставили перед собой.

Существует и другая крайность. Мне пришлось видеть пьесу Иоселиани «Пока арба не перевернулась» в постановке многих театров страны. У меня вызывают чувство досады те спектакли, в которых герои Иоселиани появляются обязательно в сванских шапочках, которые можно приобрести в сувенирных киосках всех курортов Причерноморья — причем они непременно говорят с акцентом рыночного плана. Я бы назвал это поверхностным постижением национального характера.

Когда я ставил в Болгарии спектакль «Не беспокойся, мамал», актеры спрашивали меня — как вести себя, как держать себя, их интересовали детали внешние, пусть колоритные, но внешние. Я предлагал им идти иным путем, предлагал им отказаться от внешней атрибутики, чтобы сделать акцент на главной проблеме, подчеркнуть направленность спектакля. А разве проблемы, поднятые в пьесе Отиса Иоселиани, значительные проблемы миграции жителей села, не приобретают большее звучание, если акцент сделан именно на них, если внимание зрителя не отвлекается ложной экзотикой? Думается, что да!

— Ты упомянул об одной из своих режиссерских работ. Видно, в твоём становлении как режиссера боль-

шебя, вхолостую растратив свой творческий потенциал. Я хочу, чтобы меня поняли правильно: понятие «самостоятельность» не дает права на ошибки, которые могут остаться незамеченными. Наоборот, самостоятельность позволяет строже, четче, безжалостнее выявлять свои ошибки — тогда они становятся уроком!

За четыре сезона я поставил девять спектаклей, сыграл семь главных ролей. При всем различии жанров, авторов, эпох эти спектакли должны были определить, высветить лицо театра, его художественную и гражданскую позицию. Когда мы обозначили главную нашу линию, когда коллектив наш стал коллективом соратников и единомышленников, тогда и стал проявляться твердый, бескомпромиссный, добрый характер театра.

Личность и общество — вот стержневая тема, объединяющая наши спектакли и наши творческие устремления. И в «Мосте», и в постановке по поэмам Важа Пшавела «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин», и в «Киквидзе», и в «Не беспокойся, мамал» мы стремились поставить зрителя лицом к лицу с проблемой взаимоотношения личности и общества, великой ответственности личности перед обществом, показать, как личность может неустрашимо восставать против гнилых традиций, устоявшихся пороков представлений.

— Эта тема тебе показалась не только принципиальной, но и актуальной, види-

сцена эта потребовала другого решения. Надо было ярко, сочно показать, какое волнение вызвало сообщение о проверке, как забеспокоились, засуетились хапуги перед неотвратимостью наказания.

— Кино и театр. Они прочно вошли в твою творческую жизнь...

— По диплому, по своей профессии я режиссер драматического театра. Но сегодня я затрудняюсь представить свою творческую судьбу без кино. Участие в кинофильме для актера, например, является своеобразным рентгеном, кинолента моментально схватывает и «останавливает» фальшь, неискренность. Актер, если он настоящий профессионал, пройдя школу кино, моментально вырабатывает контрудар против фальши на сцене театра, которая здесь не так бросается в глаза.

Зато у театра есть свое преимущество. Возможность установить непосредственный контакт со зрителем, чутко регулировать нравственную атмосферу в зале, моментально оценивать реакцию, вызванную твоим словом, жестом, поведением, оценивать и принимать решение — это, конечно, много значит.

Поэтому считается, да и я прежде считал, что между театральной сценой и киноэкраном огромная дистанция. Но осветители, техники, помощники режиссера и оператора — весь персонал киноэкранной группы, просто прохожие и любопытные — это тоже ведь зрители. Так что на киноэкранной площадке я забываю об аппарате, я играю для них, мне очень важно знать их реакцию.

— Итак, зрители. Из твоих слов видно, как много они значат для актера...

— Театр и зрители — это еще одна проблема, которая возникла в ходе нашей сегодняшней беседы. Я не оговорился — это проблема. По посещаемости наши театры занимают одно из последних мест среди других республик. Особенно волнует то, как неохотно посещают спектакли молодежь.

Иногда приходится слышать: «Поставьте хороший спектакль, зритель всегда найдется». Дело, думаю, не только в этом. Даже на хорошем спектакле, после трехчасового безудержного веселья в зрительном зале, вызванного остроумной и отменной игрой актеров, я часто не слышу аплодисментов, я вижу спины убегающих зрителей — поскорее бы успеть в гардероб.

Надо воспитывать любовь к театру уже в школе — это одно из решений проблемы. В Литве старшеклассникам регулярно предлагается тема для сочинения «Мой любимый театральный герой». Нельзя не признать: удачная форма воспитания! Все это — тема особого разговора, которая, надеюсь, будет продолжена.

— И все же, конечно, актеры и режиссеры мечтают о спектаклях, которые не оставят равнодушным зрителя...

— Приступая к работе над новым спектаклем, всегда надеешься, что он станет самым ярким в твоей биографии. У меня давнишняя мечта — поставить «Ромео и Джульетту». Сейчас в театре имени Руставели я работаю над этой постановкой — она будет идти на малой сцене. Хочу сделать спектакль о любви, не о большой, маленюкой, средней любви, просто о любви...

Веселу вел
Г. НАМТАЛАШВИЛИ.

шую роль сыграл Ватумский драматический театр...

— Сегодня не вызывает сомнений то, что лицо театра определяет режиссура. Мы говорим — театр Марджанишвили, Ахметели, мы говорим — театр Любимова, Гончарова, Эфроса... Как-то Товстоногов, кажется, сказал, что «двадцатый век — это век космоса и режиссуры»...

Так что понятны та радость и волнение, с которыми я воспринял предложение стать главным режиссером Ватумского театра. В этом городе — это единственный театр, в отличие от Тбилиси, скажем. Поэтому он во многом способствует формированию нравственной атмосферы города, является своеобразным творческим центром, где осуществляется и воспитание, и перевоспитание, где сталкиваются полюсные точки зрения, где выкристаллизовывается, наконец, истина. По крайней мере я так понимал его назначение, приступая, как я верил, к очень захватывающей, самостоятельной работе.

Я не ошибся в своих надеждах. Какая это прекрасная школа — самостоятельность! Как мне грустно смотреть на некоторых моих коллег, которые готовы доволствоваться вторыми, третьими ролями — лишь бы остаться в центре, как они

мо. Этим и объясняется такой острый интерес к ней...

— Несомненно. Театру уже на заре своего рождения был выразителем определенных общественных настроений, он высмеивал, бичевал, называл вещи своими именами.

Театр, как и любое искусство, может и должен быть активным, оперативным — это несколько не снижает его творческий уровень. Разве актуальность морально-гражданских проблем остро волновала наших наше общество и чутко уловленных кинорежиссером Отаром Иоселиани в своих фильмах, сказавшая на их художественных качествах? Конечно, нет!

Я приведу такой пример. В одной из постановок мы хотели особо подчеркнуть проблему взяточничества, ведь она волнует нас и сегодня. Во время репетиций сцены, когда сообщается о готовящейся проверке, участники воспринимали это известие довольно хладнокровно: мол, проверяли не раз, все заканчивалось благополучно, сходили с рук. Такое решение сцены отражало настроения, царившие определенные годы у нас в республике. Но когда мы взялись за восстановление утраченных общественных норм, нравственных ценностей,